РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ им. С. И. ВАВИЛОВА

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ФИЗИКИ И МЕХАНИКИ 2005

Ответственный редактор
доктор физико-математических наук
Г.М. ИДЛИС

МОСКВА НАУКА 2006

А.С. СОНИН

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ ФИЗИКИ И БОРЬБА С «КОСМОПОЛИТИЗМОМ»

1

Кампания по борьбе с «космополитизмом» началась после Великой отечественной войны, когда бывшие союзники по борьбе с фашизмом окончательно размежевались. Запад не без основания рассчитывал на сближение нашей страны с Европой, на демократические преобразования и постепенное превращение СССР в открытое общество. Сталинское же руководство стремилось использовать победу для расширения «зон социализма», для насаждения зависящих от Москвы правительств «народной демократии».

Началась холодная война. Мир начал готовиться к третьей мировой войне. И хотя с обеих сторон не было недостатка в мирных заверениях, началась безудержная гонка вооружений, прежде всего атомного и ядерного.

Подготовка к войне диктовала и внутреннюю политику. Необходимо было упрочить тылы - восстановить и укрепить политическое и идеологическое единомыслие граждан. А в этой области уже в конце войны и особенно в первый послевоенный год наметились серьёзные проблемы.

Дело в том, что в эти годы серьёзно расширились контакты с западным миром. Всё больше людей стали непосредственно, минуя идеологические фильтры, получать правдивую информацию о жизни за границей, о западных ценностях, о демократическом политическом устройстве. У людей появилась возможность сравнивать, а это уже было опасно.

Более серьёзные проблемы порождали контакты представителей интеллигенции. Поэтому уже в начале 1946 г. правительство резко сократило взаимные поездки делегаций общественности. На это Запад ответил началом пропагандистского вещания

на русском языке («Би-би-си» - март 1946 г. и «Голос Америки» - февраль 1947 г.)

Однако главные проблемы надо было решать внутри страны. «Вражеские голоса» стали глушить. Свои - тоже, но другими привычными методами.

Однако методы принуждения никогда не бывали эффективными даже в тоталитарном государстве. Нужно было противопоставить идее сближения с Западом свою глобальную идею, и на её основе сплотить колеблющиеся массы.

Такой идеей стала национально-патриотическая идея. Национально-патриотическую идею не надо было придумывать. Её сформулировал в своём выступлении на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. И.В. Сталин [1]. Она получила своё выражение в понятии «советский патриотизм», который должен стать «одной из движущих сил развития советского общества». И хотя советский патриотизм объявлялся чуждым национализму, сродни дружбе народов и пролетарскому интернационализму, тем не менее националистические нотки уже тогда явно звучали в классической фразе Сталина: «Последний советский гражданин, свободный от цепей капитала стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства» [1.С. 26].

В послевоенный период, о котором идёт речь, национально-патриотическая идея закономерно трансформировалась таким образом, чтобы отвечать задаче момента. А эта задача состояла в обеспечении идейного и политического тыла на случай новой войны. Правительство же, готовящееся к войне, и это закономерно, трансформирует национально-патриотическую идею в идею национально-шовинистическую, утверждающую превосходство своей нации над всеми другими и, прежде всего, над нацией вероятного противника.

В соответствии с этой глобальной идеей и стала раскручиваться кампания по борьбе с низкопоклонством и раболепием перед Западом.

Одну из причин пропаганды национально-патриотической идеи власти видели в усиливающемся на Западе после окончания войны стремлении к интеграции. Этого больше всего боялось советское руководство. После учреждения Организации Объединённых Наций в западной прессе начал усиленно обсуждаться вопрос об «интернациональном правительстве» Европы и образовании других наднациональных организаций. Модным стал термин «космополит» - гражданин мира. Так назвал себя Сократ, утверждая кровное родство между Богами и людьми. В послевоенной Европе космополитами стали называть себя люди, проповедую-

щие идеи создания мирового государства или мировой федерации, - идеи красивой, но явно утопической.

Для идеологических властей космополитическая идея стала хорошим подарком, ибо, по утверждению советской пропаганды, она отрицала национальный суверенитет и национальную культуру. Таким образом, космополитизм якобы проповедовал идеи, совершенно не приемлемые с точки зрения советского патриотизма. Космополитизм для советских властей стал хорошим идеологическим ярлыком, который было удобно применять во всех случаях национально-шовинистической кампании.

Таким образом, идеи космополитизма - идеи широкого международного общения и мирового правопорядка - в изложении советской пропаганды превратились в орудие экспансии капитализма и американского империализма, прямо угрожающего самому существованию советского государства. Это особенно остро проявилось в кампании по насаждению «идейности» в литературе и искусстве, которую инициировали известные идеологические постановления ЦК ВКП(б).

14 августа 1946 г. вышло первое идеологическое постановление «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» [2]. В нём осуждались «гнилая безыдейность и аполитичность» творчества М. Зощенко и А. Ахматовой. За этим постановлением последовало второе - «О репертуаре драматических театров» (август 1946 г.). В нём указывалось на «неправильную линию», состоящую во «внедрении в репертуар театров пьес буржуазных зарубежных драматургов», что привело к «представлению советской сцены для пропаганды реакционной буржуазной идеологии и морали, попытке отравить сознание советских людей мировоззрением, враждебным советскому обществу, оживить пережитки капитализма в сознании и быту» [2. С. 1033].

В феврале 1948 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об опере В. Мурадели "Великая дружба"» [3], в котором осуждался формализм в музыке.

В первом же идеологическом постановлении борьба с безыдейностью объединялась с борьбой против преклонения перед Западом. В постановлении констатировалось, что в ленинградских журналах «стали появляться произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада» [2. С. 1029]. Были опубликованы произведения, «проникнутые духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному» [2. С. 1029].

Уже в самом начале кампаний по борьбе с безыдейностью и борьбе с преклонением перед буржуазной культурой в некото-

рых директивных статьях (см., например, [4]), призывавших усилить и поднять на новую высоту идеологическую работу, рядом с литературой, театром и кино стояла наука. И это неслучайно. Наука, по своей сути, из всех форм культуры, наиболее интернациональна, она не может развиваться в отдельно взятой стране без связи с мировой наукой. Борьба с космополитизмом сопровождалась беспрецедентной кампанией восхваления достижений русской и советской науки. Тон здесь задал журнал «Большевик». В № 22 за 1948 г. в нём была опубликована большая стать А. Зворыкина «О советском патриотизме в науке» [5], где были данныпринципиальныеустановкикампании.

В статье утверждалось, что «рассуждения об абстрактной вненациональной мировой науке особенно вредны сейчас, поскольку они используются реакционными силами для умаления и отрицания вклада в науку тех наций, которые избраны англо-американскими империалистами в качестве объектов агрессии» [5. С. 23].

Естественно, что при такой постановке задачи приоритет насаждался любыми путями. Ломоносов объявлялся открывателем закона сохранения и превращения энергии, а Лобачевский - основоположником теории относительности, Можайский - изобретателем самолёта. Каждому мало-мальски значительному открытию «буржуазных» физиков тут же противопоставлялся наш отечественный первооткрыватель. Тогда-то и родился знаменитый анекдот о «России - родине слонов».

Многие учёные вполне искренне отдались борьбе за приоритет советской науки, искали забытых русских первооткрывателей, выявляли многочисленные случаи игнорирования западными учёными достижений отечественной науки, а то и прямого заимствования. Однако нашлись и такие учёные, которые, понимая идеологическую сущность этой кампании, с энтузиазмом в неё включились.

История науки и, в частности, история физики явилась благодатным полем для развертывающейся кампании. В её рамках началась идеологизация истории физики: в сознание учёных начали внедрять мысль о том, что есть буржуазная история физики, в которой все факты фальсифицированы в угоду утверждения приоритета западных физиков, и есть советская история физики.

Кампания по борьбе с «космополитизмом» нанесла серьёзный ущерб истории физики. Здесь мы расскажем о двух наиболее громких «космополитических» делах - деле профессора физического факультета МГУ З.А. Цейтлина и деле доцента Тамбовского педагогического института П.С. Кудрявцева.

Захар Аронович Цейтлин преподавал историю физики на физическом факультете МГУ с 1938 г. В те годы на факультете существовала кафедра истории физики, которой заведовал проф. А.К. Тимирязев. Цейтлин занимал на этой кафедре половину ставки профессора, потому что основным местом его работы был Институт философии АН СССР.

Европейски образованный (окончил университет в Тулузе, Франция), Цейтлин в 20-30-е годы написал несколько интересных работ по истории физики, в том числе монографию «Наука и гипотеза» [6], посвящённую Ньютону. По своим взглядам Цейтлин примыкал к Тимирязеву - он прекрасно знал классическую физику, но считал, что новая физика, в частности теория относительности и квантовая механика, отходят от материализма и страдают агностицизмом.

В конце 1946 г. коллектив профессоров физического факультета начал готовить монографию «Очерки по истории физики в России». Для этой монографии Цейтлину было поручено обработать лекции ряда профессоров факультета (А.К. Тимирязева, В.К. Семенченко, В.А. Карчагина и др.) по истории физики в России. Когда всё было готово, Цейтлин узнал, что его лишили полставки и перевели на почасовую оплату. Он возмутился, отказался от чтения лекций и потребовал оплатить ему проделанную работу. Его поддержал и Тимирязев, для которого потеря лектора грозила срывом учебного плана. Он начал писать докладные записки декану факультета профессору В.Н. Кессениху [7] и в ЦК ВКП(б) М.А. Суслову [8]. При этом Тимирязев попытался придать этому делу идеологическую окраску. По его мнению, причина увольнения Цейтлина состоит в том, что тот защищал материализм в физике, положительно характеризуя книгу В.Ф. Миткевича «Магнитный поток», выступая против идеализма, которым пронизаны книги Э.В. Блохинцева «Атомная физика» и Э. Шрёдингера «Что такое жизнь с точки зрения физики». Тут Тимирязев явно перестарался: в те годы физический факультет был оплотом «советской физики», безоговорочно поддерживая все идеологические кампании советского руководства, возглавляя борьбу против «физического идеализма» [9].

Письма в ЦК ВКП(б) не прошли бесследно. По требованию Управления пропаганды и агитации ЦК декан (Кессених) и секретарь партбюро (Рыбников) факультета направили подробную докладную записку о деле Цейтлина [10]. В этой записке Тимирязев и Цейтлин характеризуются как последователи механическо-

го материализма, которые хотя и борются с физическим идеализмом в современной физике, но не понимают и не принимают её материалистических выводов. Что касается перевода Цейтлина на почасовую оплату, то формально декан факультета выполнял приказ Министерства высшего образования о пересмотре профессорско-преподавательского состава МГУ, работающего по совместительству.

В результате рассмотрения этой докладной записки Управление пропаганды и агитации ЦК признало освобождение Цейтлина от основной работы в МГУ правильным [11].

Тем не менее Цейтлин продолжал работать и подготовил для коллективной монографии две главы: «Развитие физики в России от Ломоносова до второй половины XIX века» и «Геометрия и физика Н.И. Лобачевского (1793-1896)».

24 июня 1948 г. рукопись этой коллективной книги обсуждалась на специальном заседании Учёного совета факультета [12]. В отчёте об этом заседании, опубликованном в журнале «Вестник Московского университета» [13] так определены цели этой книги: «Коллектив профессоров Физического факультета сделал первую попытку написать правдивую историю развития физики и этим самым нанести удар по утверждениям некоторых буржуазных учёных о том, что русские физики мало сделали для развития мировой науки. Книга «Очерки по истории физики в России» является ответом коллектива Физического факультета на решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и борьбе с преклонением перед иностранными учёными» [13. С. 113].

Заседание Учёного совета открыл декан А.А. Соколов. Он сказал, что издание «Очерков» сейчас «необходимо как никогда, в особенности, когда поставлен вопрос о роли русских учёных, в частности, русских физиков в развитии естествознания» [12. Л. 114]. Затем слово было предоставлено А.К. Тимирязеву - редактору книги, который кратко рассказал о её структуре.

Рукопись книги посылалась на отзывы академику С.И. Вавилову, профессору философского факультета В.И. Георгиеву и профессору физфака Д.Д. Иваненко.

Вавилов оценил рукопись положительно [14]. При этом он особо отметил главы, написанные Цейтлиным. Вавилов писал: «Принципиально возможно и очень нужно сопоставление истории нашей физики как некоторого следствия общих социально экономических факторов исторического развития нашей страны. Это - нелегкая задача, в рассматриваемых "Очерках" она затронута в известной мере только во второй главе, составленной З.А. Цейтлиным» [14. Л. 2]. И далее: «Нужна также договорённость о том, что следует понимать, говоря о физике в её истории.

Обычно имеют в виду историю научных идей и результатов. Но, конечно, наряду с этим имеют интерес и значение также вопросы преподавания физики, роста её материальной оснащённости, периодических изданий и пр. Эти вопросы затронуты в весьма содержательной и богатой конкретными материалом второй главе "Очерков", составленной З.А. Цейтлиным» [14. Л. 2].

Второй рецензент, Георгиев, отзыва не прислал и на Учёный совет не явился. Третий рецензент, Иваненко, представил подробный отзыв.

В начале своего отзыва Иваненко отметил, что «курс построен на основе нашей передовой философии, везде предпосылаются экономические очерки развития страны, курс пронизан патриотизмом» [12. Л. 123]. В то же время он обнаружил серьёзные принципиальные ошибки в главах, написанных Цейтлиным. Об этих главах Иваненко сказал, что они совершенно неверно, антипатриотически освещают историю русской науки.

Особенное возмущение Иваненко вызвала глава о Лобачевском. «Она содержит серьёзные политические и лженаучные утверждения», - заметил Иваненко. Цейтлин в своей статье утверждает, что Лобачевский был последователем Гаусса и развивал идеи последнего. Цейтлин считает, в сущности, что именно Гаусс является первым творцом неевклидовой геометрии, а не Лобачевский. По мнению Иваненко, это сознательная попытка унизить достижения выдающегося русского учёного.

Иваненко попытался связать работу Лобачевского с общей теорией относительности, относя его чуть ли не к предшественникам Эйнштейна, потому что якобы Лобачевский считал реальное пространство искривлённым.

Статья Цейтлина, как показалось Иваненко, имеет и серьёзные философские недостатки: не подчёркнуто, что Лобачевский нанес удар по философии Канта. «Великое достижение Лобачевского, - сказал Иваненко, - заключается в разгроме кантианства, пусть на одном только участке, но разгроме окончательном и бесповоротном» [12. Л. 131].

Отрицательную оценку этой главы поддержала и профессор механико-математического факультета С.А. Яновская, приславшая свой отзыв уже после окончания этого заседания Учёного совета.

Однако Цейтлин не согласился с такой критикой. Он, в частности, сказал: «Я не касаюсь вопроса о приоритете. Это вопрос очень сложный, особенно для историка» [12. Л. 159]. В то же время отстаивал свою мысль о том, что Лобачевский изучал работы Гаусса и знал, что математика тесно связана с физикой, но пришёл к идее неевклидовой геометрии самостоятельно. Но Лобачевский ни о какой кривизне пространства не говорил. Докумен-

тов, что Лобачевский выступал против Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля нет. «Моя центральная идея такова: я категорически отрицаю пункт, который касается якобы унижения Лобачевского», - закончил своё выступление Цейтлин [12. Л. 167].

В отчёте об этом заседании дана такая оценка выступления Цейтлина: «Профессор З.А. Цейтлин, как отъявленный антипатриот, пытался фальсифицировать историю русской науки только для того, чтобы открытие неевклидовой геометрии приписать иностранцам и этим унизить роль Лобачевского» [13. С. 116].

Вторая глава, написанная Цейтлиным, тоже вызвала бурю эмоций. «Доцент В.Ф. Ноздрёв подверг уничтожающей критике космополитические взгляды и лженаучные утверждения проф. З.А. Цейтлина», - говорится в отчёте [13. С. 116]. Ноздрёв (секретарь парткома физфака) сказал: «Последние выступления нашей партии ещё раз заставляют нас обратить внимание на исторические вопросы. Но нам, конечно, необходима не всякая история. Нам необходима марксистско-ленинская история развития русской науки. Поэтому вопрос о приоритете русской науки имеет исключительно большое значение. Мне не понравилось выступление проф. Цейтлина, который сказал, что вопрос приоритета - это вопрос второстепенный, что очень трудно установить, кто первым сделал то или иное открытие. Мне думается, что эта точка зрения неправильная, порочная. По существу, такая постановка вопроса приводит к космополитическим взглядам» [12. Л. 169-170].

Переходя конкретно ко второй главе, Ноздрёв сказал, что она «пронизана космополитическими идеями» [12. Л. 170]. В чём же эти идеи конкретно выражались?

Цейтлин пишет: «Пётр подавал всем личный пример. И на фоне древней византийствовавшей Руси он являл фантастическую фигуру царя на манер какого-то иноземного полукупца-полувоина, а то и амстердамского плотника» [12. Л. 170].

По мнению Ноздрёва «такую характеристику Петра 1 - одного из характерных русских людей, по меньшей мере, можно назвать опошлением русской истории. Такая трактовка вопроса нам известна. Неоднократно мы слышали, что Лермонтов - Байрон на русской почве, Попов - русский Маркони и др. Где показано, что Петр I - русский человек?» [12. Л. 171].

Далее, говоря об учебнике «Краткое начертание физики» (1785 г.), Цейтлин утверждает, что это всего-навсего перевод книги Эберта и для этого у него были основания. Ноздрёв же считает, что учебник написал племянник Ломоносова Головин, но для такого вывода у Ноздрёва тоже были основания. В резуль-

тате жаркой дискуссии стороны решили, что этот вопрос надо исследовать дополнительно.

Цейтлин пишет о слабой экспериментальной базе русской физики и это историческая правда. «Какая мораль вытекает из этих рассуждений, - вопрошает Ноздрёв. - Что не всегда богатая форма соответствует богатому содержанию. Если бы русские физики имели лучшие условия, они получили бы гораздо большие результаты. Такие рассуждения могут только запутать читателя» [12. Л. 177]. Из этой тирады можно понять только то, что писать о слабой базе русской физики - политическая ошибка.

Говоря о профессорах Юрьевского университета, Цейтлин забыл упомянуть физика А.И. Садовского, но зато отвёл большое место В.П. Чеховичу, который, по мнению Ноздрёва, был жандармом и агентом тайной полиции. «Чеховича нужно ввести в историю жандармерии или тайной полиции, как предателя, а не физика» [12. Л. 179], - заявил Ноздрёв.

В заключение Ноздрёв сказал: «У меня сложилось твёрдое убеждение после просмотра статьи профессора Цейтлина, что эта статья требует коренной переработки, учитывая последние решения ЦК партии о развитии науки и о приоритете в науке» [12. Л. 179].

Такой вывод поддержал редактор Учпедгиза доцент А.В. Пёрышкин: «Товарищ Цейтлин никак не может понять, что вопрос о приоритете не может быть безразличным для советской науки. Что значит безразличное отношение к приоритету? Это значит - на колени становиться перед немцами, перед американцами» [12. Л. 182]. И, конечно, высказался и Иваненко: «Никто не позволит тов. Цейтлину внушать эти мысли нашей молодежи... Нет, тов. Цейтлин, борьба за приоритет русской науки будет продолжаться крайне активно, это весьма важно политически» [12. Л. 184].

В отчёте об этом заседании сказано: «Дискуссия вскрыла ряд принципиальных ошибок и извращений, допущенных автором второй и третьей глав профессором З.А. Цейтлиным, преклоняющимся перед иностранными учёными и пытающимся приписать важнейшие достижения крупнейших русских учёных иностранцам» [13. С. 118]. В постановлении Учёного совета по этому поводу сказано: «Главу третью "Геометрия и физика Н.И. Лобачевского", написанную проф. З.А. Цейтлиным, исключить из книги "Очерки по истории физики в России" как неправильно освещающую роль Лобачевского в истории науки и лженаучную по своему содержанию. Главу вторую "Развитие физики в России от Ломоносова до второй половины XIX века" написать заново, так

как материал этой главы изложен совершенно неудачно и содержит ряд грубейших политических ошибок и лженаучных утверждений» [12. Л. 110].

Однако в вышедшей в 1949 г. книге [15] эта последняя глава осталась практически без изменений, были добавлены лишь многочисленные примечания. Так закончилось дело Цейтлина.

Второе громкое космополитическое дело было связано с выходом в 1948 г. первого тома «Истории физики», написанного П.С. Кудрявцевым [16].

Павел Степанович Кудрявцев окончил физический факультет МГУ и много лет работал в разных вузах. В 1946 г. он был избран заведующим кафедрой теоретической физики Тамбовского педагогического института, где проработал до своей смерти в 1975 г. Кудрявцев ещё в студенческие годы заинтересовался историей физики и с 1936 г. начал читать соответствующий курс в различных вузах. Тогда же он начал писать учебное пособие по этому курсу.

Книга Кудрявцева вызвала большой интерес [17], ибо была первым отечественным курсом истории физики. Первоначально отзывы на книгу были сугубо положительные. Так, в журнале «Советская книга» № 12 за 1949 г. была опубликована рецензия киевского философа А.З. Жмудского [18], в которой подчеркивалось, что в этой книге впервые развитие физики излагается с позиций диалектического и исторического материализма. «Автор показывает партийность науки, борьбу материализма с идеализмом в физике как отражение классовой борьбы в условиях различных социально-экономических формаций» [18. С. 51], - говорилось в рецензии. Что касается творчества русских физиков, то, как отмечено в рецензии, «в основном правильно оценено значение русской науки и её родоначальника Ломоносова» [18. С. 52].

В то же время в этой рецензии отмечены и недостатки книги. Основные из них следующие. Во-первых, непоследовательность в периодизации истории физики: вначале она идёт по историческим эпохам, например, «Физика средневековья» и т.п., а потом, почему-то по личностям, например, «От Ломоносова до Фарадея» и т.п. Во-вторых, в первом томе автор рассматривает деятельность русских физиков в связи с общим ходом развития физики, а во втором томе предполагает дать отдельный очерк развития русской физики. Это, по мнению рецензента, противоречит марксистско-ленинскому пониманию единства мирового

исторического процесса, о котором писали товарищи Сталин, Жданов и Киров в своих «Замечаниях» на конспект учебника по истории.

Были сделаны и частные замечания. Так, рецензенту не понравились ссылки на «Историю физики» немецкого учёного Розенбергера, который ничего не говорит о трудах русских физиков Ломоносова и Петрова. Рецензент уверен, что о Ломоносове Розенбергер должен был знать, так как Ломоносов работал в то же время, что и Эйлер, о котором Розенбергер подробно рассказал в своём труде. Далее, говоря о возникновении воздухоплавания, Кудрявцев незаслуженно поставил на последнее место подьячего Крякутного, поднявшегося на воздушном шаре в Рязани в 1731 г. Есть путаница в открытии электромагнитного телеграфа, который первым построил русский учёный Шиллинг. И, наконец, говоря о Лобачевском, Кудрявцев переоценивает влияние немецких его учителей, забывая, что ещё в гимназии Лобачевский учился у известного русского математика Г.И. Карташевского. Эти замечания ни в коей мере не повлияли на положительную оценку книги Кудрявцева.

Однако были и другие мнения. В личном архиве Кудрявцева сохранилось письмо в газету «Правда» кандидата технических наук, доцента Ташкентского института ирригации и механизации сельского хозяйства Г.А. Кошевникова, в котором тот обвинил Кудрявцева в «замалчивании роли русской науки и восхвалении иностранщины» [19]. Это письмо не было опубликовано, но возможно, что оно-то и привлекло внимание идеологических органов к книге. Возможно, органы ознакомили с этим письмом некоторых философов и дали команду начать кампанию.

Под письмом Кошевникова стоит дата 12 октября 1949 г. А уже в № 5 от 21 февраля 1950 г. газеты «Культура и жизнь» появилась рецензия [20], написанная известным историком науки и философом Б.М. Кедровым, которого совсем недавно обвиняли в космополитизме за книгу «Энгельс и естествознание». Эта рецензия была сугубо отрицательной. В очень резкой форме Кедров обвинил Кудрявцева в преувеличении вклада иностранных учёных и в недооценке вклада русских учёных в развитие физики.

Несомненно, что рецензия Кедрова написана по заданию ЦК ВКП(б) или же была согласована с ним. Сохранилось письмо Кедрова заведующему сектором науки Отдела пропаганды и агитации и ЦК Ю.А. Жданову [21. Л. 75]. Кедров писал:

«Направляю Вам рецензию на книгу П. Кудрявцева "История физики". Давно уже в нашей литературе не появлялось таких антипатриоти-

ческих, антимарксистских "трудов", авторы которых столь явно провозглашали свои установки.

В случае Вашего одобрения этой рецензии (которая, конечно, нуждается в сильном сокращении) прошу Вас передать её в газету "Культура и жизнь" тов. Сатюкову».

Одобрение было получено и Кедров послал свою рецензию в газету, а копию письма - в сектор науки [21. Л. 76].

Рецензия Кедрова открывается следующим пассажем: «Читателя, раскрывшего эту книгу сразу же поражает употребление эпитетов "гениальный", "великий", "величайший", "прославленный", "известный", "знаменитый", "выдающейся" в отношении иностранных физиков. Но когда речь заходит о заслугах русских учёных, автор становится необычайно сух, официален и скуп» [20].

Кедров писал, что по Кудрявцеву получается, что вся физика XIX века создавалась трудами иностранных учёных. Отсюда, по Кедрову, принижение роли русских учёных и нарушение ленинского принципа партийности и переход на позиции буржуазного объективизма.

Так, писал Кедров, в книге родоначальником радиотехники назван Фарадей, хотя, по его мнению, она ведет свое начало от Петрова. Говоря о создании паровой машины и внедрении её в технику Уаттом, Кудрявцев рассказывает и о Ползунове, но Кедрову это кажется недостаточным. То же и о Петрове, открывшем электрическую дугу. Кудрявцев называет его последователем Дэви, и это кажется Кедрову умалением его заслуг. Далее основателем атомно-молекулярной гипотезы назван справедливо Дальтон, а не Ломоносов. Недоволен Кедров и освещением роли Ломоносова и преувеличением роли Лавуазье в разработке теоретических основ химии. И, наконец, сопоставление Лобачевского и Гаусса при обсуждении открытия неевклидовой геометрии кажется Кедрову неправильным. Он писал, что Гаусс боялся обнародовать своё открытие, страшась возможной критики. А в письме к Шумахеру сообщает ему, что «в сочинении Лобачевского не нашёл для себя ничего нового». Тем самым, по мнению Кедрова, «трусливый "король математиков", прятавший свои взгляды от открытого их обсуждения, выставлен П. Кудрявцевым как единственный авторитет, от которого будто бы зависела судьба открытия Лобачевского» [21].

Однако внимательный анализ текста книги Кудрявцева показывает, что заслуги русских физиков Кудрявцев осветил вполне объективно. Но он не стал, вопреки истории, писать, что физика XIX века была создана трудами русских учёных.

В заключение Кедров выразил недоумение по поводу положительной рецензии Жмудского и роли титульного редактора. «Ответственность за все пороки книги, - писал он, - несёт, наряду с автором и её титульный редактор - профессор А.К. Тимирязев. Факт же присуждения Учёным Советом физического факультета МГУ автору этой книги учёной степени доктора физико-математических наук свидетельствует о том, что на физическом факультете МГУ ещё слабо развита большевистская критика и самокритика» [21].

Эта статья вызвала резкую ответную реакцию физического факультета МГУ, где 14 декабря 1949 г. Кудрявцев блестяще защитил докторскую диссертацию по своей книге.

15 марта 1950 г. состоялось заседание методологического семинара физического факультета, специально посвящённое рецензии Кедрова [22]. Приглашение на семинар было заранее послано в сектор науки ЦК Ю.А. Жданову [23], в редакцию газеты «Культура и жизнь» и лично Кедрову [22]. Однако все они проигнорировали это приглашение.

В своём выступлении Кудрявцев изложил основные принципы, которыми он руководствовался при написании своей книги. Он подчеркнул, что книгу писал «совершенно заново, не имея примера перед собой, как это было у буржуазных историков физики. Ошибки в таком большом и новом деле совершенно неизбежны» [22. Л. 26-27]. Он напомнил, что книга была сдана в производство в 1947 г., три года назад. «Три года в условиях нашей советской жизни - это большой срок, - сказал Кудрявцев. - Три года тому назад у нас ещё была карточная система, три года тому назад Чан Кай-ши ещё пытался громить Народно-освободительную армию в Китае, три года тому назад ещё не была проведена дискуссия на биологическом фронте» [22. С. 27]. По-видимому, этим он хотел сказать, что за три года изменились и идеологические установки, которые привели к кампании по борьбе с космополитизмом.

Кудрявцев выделил три недостатка своей книги. Первый - в «предисловии к этой книги я не подчеркнул особо роли советского периода в истории науки, науки нового типа, строящейся на принципиально иных условиях, чем наука капиталистического общества. Эта наука, развивающаяся и растущая по плану, наука для народа, наука, вооружённая теорией диалектического материализма, ставящая перед собой великую цель преобразования природы и человека» [22. Л. 28].

Второй недостаток - «в этом же введении я не остановился на вопросе о роли наций в развитии культуры и не показал великого вклада русского народа в развитие мировой науки» [22. Л. 28].

Из этих высказываний видно, что Кудрявцев чувствовал идеологический момент и использовал соответствующую риторику.

Третий недостаток - «не раскрыл важной роли, которую сыграли работы учёных Хорезма, Узбекистана и Таджикистана» [22. Л. 29].

Все эти недостатки Кудрявцев исправил в украинском издании своей книги, которая готовилась к печати. Книга вышла в Киеве в 1951: г. [24].

Таким образом, Кудрявцев не признал ошибок, которые ему приписывал Кедров в своей рецензии. Он подробно и аргументированно отвечает на все замечания рецензента.

В заключение Кудрявцев сказал: «Товарищи, я должен со всей откровенностью сказать, что та критика, которую я встретил на страницах газеты "Культура и жизнь", меня глубоко разочаровала. Я должен прямо сказать, что я, как автор, не мог понять, что же мне делать: свёртывать работу совсем или надо продолжать работу, улучшать книгу, развивать её дальше. Я этого вывода для себя, как автор, не мог сделать. Судя по последним словам рецензии, по-видимому считают, что книга порочна насквозь, тогда как задачей большевистской критики для дела создания науки является всесторонний анализ ошибок автора, чтобы помочь в будущем историку-физику избежать этих ошибок. Ведь мы на ошибках учимся! Этого всестороннего анализа в критике Кедрова я не встретил. Больше того, у меня даже явилось сомнение, читал ли рецензент мою книгу?» [22. Л. 30].

Выступавшие следом профессора В.П. Кессених, В.Г. Фридман, Е.И. Кондорский, А.К. Тимирязев, доценты Е.Г. Швидковский, М.Д. Карасёв, Б.И. Спасский, В.Ф. Ноздрёв и учитель физики 82-й московской школы Лопато, академик ВАСХНИЛ С.С. Перов дали резкую отповедь Кедрову, предметно показав предвзятый характер его обвинений. Последний правильно сказал: «Кедров в порыве урапатриотизма допускает совершенно нелепые, вводящие в заблуждение советского читателя, поступки. Патриотизм в науке не заключается в пренебрежении к гениальным людям других наций. Только круглый дурак и лжепатриот может утверждать, что только русские учёные решают все проблемы в науке» [22. Л. 47].

Однако не следует думать, что выступавшие не критиковали книгу Кудрявцева. Но эта критика была конструктивная и доброжелательная. Так, Фридман сетовал на то, что в книге смешано собственное изложение истории физики и хрестоматийное изложение, слабое освещение связи физики и техники и отсутствие указателей. Спасский указал на недостаточное освещение во введении значения изучения истории физики и её положения в

системе других наук и преувеличение роли внутренней логики развития науки. Кондорский пожелал более подробно осветить развитие физики в эпоху Возрождения.

Закрывая обсуждение, Ноздрёв зачитал письма с поддержкой Кудрявцева, которые пришли от профессора Ленинградского университета Хромова и студентов Тамбовского педагогического института.

В своём заключительном слове Кудрявцев поблагодарил всех за поддержку и конструктивную критику недостатков своей книги. Он согласился с большинством замечаний и обещал их исправить.

В результате обсуждения была принята резолюция, направленная в Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) и в редакцию газеты «Культура и жизнь». В этой резолюции отмечаются все положительные стороны учебника и некоторые его недостатки. Эти недостатки сформулированы в резолюции следующим образом:

1. Недостаточно последовательно проводится классовый анализ отдельных этапов истории физики, недостаточно глубоко вскрыта связь физики с развитием производительных сил.
2. В отдельных главах недостаточно отмечена роль русских учёных в истории физики.
3. Не раскрыта роль древнего Востока - Хорезма, Узбекистана, Таджикистана в развитии физики.

В заключении резолюции сказано: «Статья Кедрова носит тенденциозный характер, содержит ряд неправильных утверждений и не нацеливает на основные недостатки книги. Книга Кудрявцева в целом оценена советскими физиками и философами как положительная» [22. Л. 24].

Несмотря на определённую позицию физического факультета в деле Кудрявцева Учёный Совет должен был отреагировать на выступление органа ЦК, каким являлась газета «Культура и жизнь». Была создана комиссия по рассмотрению диссертационного дела Кудрявцева. 22 марта 1950 г. Учёный Совет утвердил вывод комиссии о том, что оснований к пересмотру решения о присуждении Кудрявцеву ученой степени доктора физико-математических наук нет [22. Л. 74].

Кроме резолюции методологического семинара физического факультета, в адрес ЦК в течение марта месяца стали поступать письма сотрудников физического факультета в защиту Кудрявцева [25].

На имя М.А. Суслова 11 марта 1950 г. пришло письмо от Тимирязева, к которому был приложен ответ Кудрявцева на рецензию Кедрова. Кудрявцев писал о глубоком разочарова-

нии, которое вызвала рецензия Кедрова. «Вместо принципиальной большевистской критики, преследующей цель движения вперед, я встретил беспринципную и недобросовестную ругань. Иначе квалифицировать критику Кедрова я не могу» [25. Л. 4] - писал Кудрявцев. Он признал следующие недостатки своей книги:

1. Во введении не выделил особо советский период в истории науки. Там же не остановился на вопросе о роли наций в развитии культуры и, в частности, не показал великого вклада русского народа в развитие мировой науки.
2. Не раскрыл важной роли учёных Хорезма, исследований узбеков и таджиков.

Далее Кудрявцев ответил на основные претензии Кедрова. Относительно недооценки роли Менделеева он справедливо указывает, что в первом томе, рецензию на который писал Кедров, речь идёт о периоде «до Менделеева», а всё о Менделееве будет во втором томе

О родоначальнике радиотехники. Все физики знают, что она ведет свое начало от Фарадея как основоположника исследований электрических явлений, а не от Попова.

О Ползунове. «Кедров требует, - писал Кудрявцев, - чтобы я закончил историю трагедии Ползунова концовкой "гром победы раздавайся". Но я должен прямо сказать, что я патриот не пуришкевичевского толка, а ленинского типа, и именно потому ненавижу тех, кто веками угнетал и душил русский народ, травил Ломоносова, уничтожил изобретение Ползунова, убил Пушкина и Лермонтова и многих, многих талантливых русских людей» [25. Л. 8-9].

Говоря об открытия электрической дуги Петровым, Кудрявцев приводит страницы книги, где всё чётко написано. Так же подробно Кудрявцев отвечает на все замечания Кедрова

«Такова критика Кедрова. - закончил своё письмо Кудрявцев. - Я думаю, что с полной определённостью можно сделать вывод: такая непринципиальная и недобросовестная критика может только повредить делу создания советской истории физики. В частности, я, как автор, могу сделать из его критики только тот вывод, что мне следует бросить работу по истории физики» [25. Л. 15]. К счастью этого не произошло.

На этих письмах резолюция Маленкова: «На ознакомление вкруговую. Тт. Пономаренко П.К., Суслову М.А., Хрущеву Н.С.» и их росписи.

8 марта 1950 г. в ЦК пришли письма от Третьякова и от академика ВАСХНИЛ Перова, 18 марта 1950 г. на имя Маленкова пришло письмо от профессоров физического факультета МГУ

Предводителева, Ильина, Аркадева, Ржевкина, 20 марта 1950 г. - на имя Суслова - от восьми студентов физического факультета МГУ и старшего научного сотрудника физфака МГУ Шахпаронова [25]. Во всех письмах рецензия Кедрова осуждалась как необъективная и высказывалась поддержка Кудрявцева в его стремлении написать современный курс истории физики. Вот лишь некоторые характеристики рецензии и самого Кедрова, даваемые авторами этих писем:

«Имя рецензента тов. Кедрова хорошо известно научной общественности Советского Союза и не с положительной стороны. Ещё не прошло года с тех пор, как тов. Кедров проповедовал идеи космополитического порядка, не прошло года с тех пор, когда тов. Кедров за идеи идеалистического порядка был осуждён общественностью нашего Союза, ещё свежи времена, когда тов. Кедров в своей докторской диссертации доходил до геркулесовских столбов в восхвалении английского ученого Дальтона, стремясь из "Дальтона вывести Менделеева". Удивительно и странно, что известный путаник философии и истории - вдруг воспылал желанием поднять оружие борьбы с объективизмом в науке. Не верим мы этому. Не верим его искренности. Его квазикритика есть лишь попытка под видом борьбы с объективизмом по-прежнему проповедовать идеи космополитизма» -

писала группа профессоров физфака МГУ [25. Л. 21].

«Мы не знаем, что сделал Б. Кедров для советской науки и нашего народа, но автора "Истории физики" и нашего преподавателя мы знаем хорошо. Трудно сказать, какими мотивами руководствовался автор статьи, ясно лишь то, что не интересами создания отечественной книги по истории физики, к написанию которой призывает он наших учёных» [25. Л. 34] -

писала группа студентов Тамбовского пединститута.

«Рецензия Б.М. Кедрова является примером недостойной, недобросовестной критики, построенной, в основном, на извращении содержания книги Кудрявцева. Б.М. Кедров обманул доверие редакции газеты "Культура и жизнь" и пытается ввести в заблуждения советских людей - её читателей» [25. Л. 38] -

писал Шахпаронов.

«Абсурдность ряда утверждений т. Кедрова, граничащая порой просто с детской наивностью, даёт право предполагать, что он или не читал книги, которую взялся рецензировать, или читал, но ничего не понял, или, наконец, читал и понял, но поставил перед собой цель обмануть редакцию и сотни тысяч читателей газеты "Культура и жизнь". Последнее всего вероятнее, так как т. Кедров по роду своей деятельности не может быть ни детски-наивным, ни вполне невежественным в науке и истории науки человеком (известно, что тов. Кедров сам много занимался вопросами истории науки и много, хотя и неудачно, писал по

этим вопросам). Исходя из сказанного, мы с полным сознанием своей ответственности можем упрекнуть т. Кедрова по меньшей мере в недобросовестности» [25. Л. 49] -

писал Третьяков.

Пока эти письма читались в Отделе пропаганды и агитации ЦК, Кедров, конечно, по согласованию со Ждановым, опубликовал в № 1 журнала «Вопросы философии» расширенный вариант своей рецензии на книгу Кудрявцева [26].

Рецензия начиналась обширным введением, в котором Кедров излагал свои взгляды на то, каким должен быть «хороший курс истории науки».

«Речь идёт, - писал он, - о создании таких книг, которые излагали бы историю науки с идейных позиций марксизма-ленинизма, отвечали бы задачам идеологической борьбы, проводимой нашей партией против буржуазного объективизма, аполитизма и раболепия перед буржуазной культурой и наукой. Высокая большевистская идейность, принципиальность в освещении истории науки - это основное требование, которое предъявляется советскими читателями ко всем книгам по истории науки, выпускаемым в свет, и, в особенности, конечно, к общим курсам, где история науки представляется в суммированном, обобщенном виде... Идейной и принципиальной с точки зрения марксистско-ленинского мировоззрения может считаться только такая книга, в которой последовательно проводится ленинский принцип партийности философии в освещении всех вопросов истории науки. Идейность и принципиальность книги по истории науки означает, что книга написана с позиций советского п а т р и о т и з м а (разрядка Кедрова.*-А.С.)*, что в ней показан тот вклад, который внесли в науку наши отечественные учёные, их ведущая роль в решении многих важнейших вопросов науки и приоритет в ряде выдающихся открытий и изобретений» [26. С. 365].

Далее Кедров напоминает, что во всех книгах по истории науки, вышедших после выступления А.А. Жданова на философской дискуссии 1947 года, авторы должны были бы учесть его указания. Кудрявцев же в своей книге эти указания не учёл. Более того, «он не сумел критически переработать собранный им материал, не сумел осветить исторические факты с позиций марксизма-ленинизма» [26. С. 366].

После этого введения, которое ясно показывает, с каких позиций Кедров будет рассматривать фактический материал книги, следует подробная и многостраничная критика.

«Прежде всего, - начинает Кедров, - необходимо со всей резкостью подчеркнуть нарушение автором ленинского принципа партийности в философии. Это сказывается в книге повсюду, где только речь заходит о характеристике истории физики с фило-

софской стороны» [26. С. 366]. По Кедрову, в книге необходимо было всю историю физики проанализировать с точки зрения борьбы материализма и идеализма. Кудрявцев же «проводя эпизодически отдельные факты борьбы различных теорий в физике, не только не проследил на протяжении всей истории физики борьбы материализма против идеализма вокруг физических открытий и проблем, но и тем фактам, которые он приводит из истории физики, дал объективистское, бесстрастное освещение» [26. С. 367]. Поэтому Кудрявцев «не мог вскрыть и показать, как отражалась в развитии физики борьба классов, которая в обществе, состоящем из антагонистических классов, представляет собой движущую силу исторического развития» [26. С. 367]. Отсюда, по мнению Кедрова, «неизбежно вытекает чисто описательный подход (разрядка Кедрова.-*А.* С.) автора к изложению истории физики» [26. С. 367].

Говоря во «Введении» о предмете истории физики, Кудрявцев упоминает о кризисах физики как смене основных физических теорий. Кедров критикует такое определение как недостаточное. Он считает, что кризисы физики в XVII-XIX столетиях были следствием борьбы материализма и идеализма и в конечном итоге укрепляли материализм, а кризис на рубеже XIX и XX веков «есть специфический продукт буржуазного общества эпохи империализма и пролетарских революций» [26. С. 367]. Поэтому «физика при социализме не имела и не будет иметь никаких кризисов, поскольку она развивается на основе диалектического материализма» [26. С. 368]. «Антиисторический, неконкретный подход к освещению вопроса о кризисе (кризисах) физики является прямым следствием объективизма автора», - заключает Кедров.

На этом фоне другие недостатки книги, замеченные Кедровым, кажутся уже не такими существенными. Но все же: не отмечена борьба Ломоносова за физические корпускулы против идеалистических представлений о духовных монадах, нет критики кантианских взглядов Гельмгольца и идеализма и спиритуализма Лейбница.

«Объективизм автора, нежелание учитывать влияние борьбы партий в философии как отражение классовой борьбы приводит автора и к более серьёзным ошибкам в изложении истории физики» [26. С. 368], - продолжает Кедров. Оказывается, Кудрявцев повторяет выдумки буржуазных историков науки о том, что будто средневековая наука, которая, по Кедрову, «на деле была смиренной служанкой богословия», играла какую-то положительную роль. Кедров напрочь отрицает роль алхимии в создании экспериментальных методов химии.

Что касается более позднего периода развития физики, то и тут у Кедрова масса претензий. Главная - «у автора в некоторых местах книги получается так, будто гениальные идеи Ленина, открывшие новую эру в истории науки, есть повторение тех идей, которые были выдвинуты некогда буржуазными учёными» [26. С. 369]. Так, например, Кудрявцев пишет, что уже Фарадей предполагал, что атом по своим свойствам неисчерпаем, забывая сказать, что положение о неисчерпаемости электрона является «тем принципиально новым, что внесено В.И. Лениным в разработку диалектического материализма» [26. С. 369].

Далее большой раздел статьи Кедрова посвящён изложению правильных марксистских взглядов на периодизацию истории физики, которую Кудрявцев проводит непоследовательно. Здесь наиболее одиозной выглядит характеристика, которую дал Кедров четвёртому периоду истории физики - советскому. «Четвёртый период в истории физики, - писал Кедров, - представляет собой принципиально новый, качественно отличный этап в её развитии - с о в е т с к и й период в ф и з и к е (разрядка Кедрова.- *А*.С.). Это - физика социалистического общества, физика эпохи Ленина-Сталина. Его характерными чертами являются: теснейшая связь физики с практикой социалистического строительства и сознательная опора советских физиков на диалектический материализм - господствующее в СССР мировоззрение. На этой основе, развиваясь по пути, указанному Лениным, физика СССР полностью ликвидировала тот кризис, который возник на рубеже XIX и XX веков и который продолжается с ещё большей силой разъедать современную физику в странах империализма» [26. С. 371].

Не нравится Кедрову и большое количество цитат из произведений классиков физики. «Здесь речь идёт не о том, чтобы критически оценить с идейных позиций марксизма-ленинизма то, что писали буржуазные учёные Запада (их-то автор прежде всего именует «классиками науки»), - писал Кедров, - а о том, чтобы предоставить этим ученым возможность с а м и м (разрядка Кедрова. - *А.С.)* доводить до советского читателя свои взгляды, своё «живое слово» [26. С. 373]. По мнению Кедрова, это аполитичная и объективистская позиция. В этой связи особенно раздражают Кедрова ссылки на фундаментальную «Историю физики» Розенбергера, которого называет «фальсификатором физики» за то, что он не упоминает российских физиков.

Эта идеологическая часть рецензии, удивительно звучащая в наше время, тогда представляла собой обычное явление. Все науки, и не только история физики, должны были соответствовать идейным установкам марксистско-ленинской философии.

Они должны были излагаться с классовых позиций - мы отвергали буржуазную науку, служащую эксплуатации пролетариата, и пытались строить свою - пролетарскую, социалистическую науку, основанную на философии диалектического материализма. Естественно, что только наша пролетарская наука являлась истинной, и если что-то в фактическом материале науки не соответствовало идеологическим догмам - тем было хуже для фактов.

Во второй части рецензии Кедров нанёс главный удар - он обвиняет Кудрявцева в «неправильной общей линии в отношении к русской науке. Эта неверная линия автора проявляется в ряде случаев в принижении русской науки и в незаслуженном превознесении отдельных представителей иностранной науки» [26. С. 374].

«После известных указаний нашей партии по вопросам борьбы за показ и исторически правдивую оценку подлинных заслуг русских учёных в развитии науки и техники, за восстановление и защиту их приоритета в научных открытиях и изобретениях, о необходимости разоблачения попыток принизить роль русских учёных в развитии науки, П. Кудрявцев взял на себя неблаговидную задачу пересмотреть уже решённые вопросы и "перерешить" их заново в пользу западных учёных» - писал Кедров [26. С. 374]. По тем временам это было страшное обвинение.

Здесь Кедров оперирует уже известными по его первой рецензии примерами.

Пример первый. Кудрявцев пишет, что творцом электротехники в широком смысле слова является Фарадей. Кедров настаивает, что электротехнику создали Петров и Попов, что, конечно, не соответствует действительности. Фарадея же, по Кудрявцеву, можно считать одним из родоначальников атомистики. По мнению Кедрова, «этим ошибочным заявлением умаляется роль Менделеева» [26. С. 374].

Пример второй. Когда Кудрявцев пишет об изобретателе паровой машины Уатте, он говорит и о Ползунове - «забытом предшественнике» Уатта, объясняя, почему его паровая машина не получила распространения. Вот это определение «забытый предшественник», по мнению Кедрова, умаляет заслуги Ползунова.

Пример третий. По мнению Кедрова, Кудрявцев стремится умалить роль Петрова в открытии электрической дуги, потому что тот читал статьи Дэви и часто повторял его опыты. «Выходит, - пишет Кедров, - что Петров по необходимости был подражателем Дэви и других "оригинальных" "западных деятелей", поскольку он знал западные языки, а они русского языка не знали, а

потому заимствовать у русской науки ничего не могли. Какой же примитивный, ненаучный подход к этому важнейшему вопросу проявил здесь автор!» [26. С. 375]. Здесь Кедров сам выступает как умелый демагог, извращая в свою пользу ясную мысль автора.

Пример четвертый - Ломоносов. Здесь Кедрову не нравится буквально каждая фраза. Но главное - закон сохранения веса веществ при химических реакциях, на открытие которого претендовали и Ломоносов, и Лавуазье. Кудрявцев чётко показывает, что приоритет здесь принадлежит Ломоносову, но в то же время пишет, что Лавуазье является основоположником современной химии. Это утверждение вызвало странную реакцию Кедрова: «Известно также, что Лавуазье был не вполне добросовестен в вопросах научной этики, приписывая себе чужие открытия. Наконец, известно, что Лавуазье не мог не знать об открытиях, сделанных Ломоносовым, в том числе и об открытии закона сохранения вещества» [26. С. 375]. Означает ли это, что родоначальником современной химии следует считать Ломоносова?

Далее Кудрявцев считает, что атомно-молекулярную гипотезу впервые развили в химии Ньютон, а затем Дальтон, объявляя Ломоносова предшественником Дальтона. Это вызывает бурную реакцию Кедрова. По его мнению, Дальтон был ярым противником молекулярного учения и вся заслуга здесь принадлежит Ломоносову.

Однако дотошные читатели вспоминают книгу и диссертацию Кедрова «Атомистика Дальтона», где утверждается совершенно другое. Но, предваряя такие возражения, Кедров в примечании вынужден оправдываться: «Считаю необходимым отметить, что в моей книге "Атомистика Дальтона" родоначальником химической атомистики назван не Ломоносов, а Дальтон, что, как известно, не соответствует действительности... Эти ошибки я стремлюсь исправить в последующих работах» [26. С. 376].

Пример пятый. Кудрявцев приводит письмо Гаусса к Шумахеру, в котором тот доказывает, что ещё с 1792 г. он имел такое же представление о неевклидовой геометрии, что и Лобачевский и поэтому «в сочинении Лобачевского не нашёл для себя ничего нового». Это переполнило чашу гнева Кедрова: «Таким образом, малодушный "король математиков", трусливо прятавший свои взгляды от открытого их обсуждения и потихоньку оспаривавший приоритет Лобачевского, выставлен П.С. Кудрявцевым как единственный авторитет, от одного слова которого будто бы зависела вся судьба открытия Лобачевского. Вместо того, чтобы дать решительный отпор незаконным претензиям Гаусса на приоритет в создании неевклидовой геометрии, П.С. Кудрявцев на страницах своей книги помещает отрыв-

ки из писем Гаусса, в которых тот оспаривает приоритет Лобачевского в этом великом открытии. При этом П.С. Кудрявцев не считает даже нужным опровергнуть эти хвастливые заявления Гаусса» [26. С. 377].

Таким образом, по заключению Кедрова, Кудрявцев «во-первых, преувеличенно расхваливает иностранную физическую науку в тех случаях, когда требуется острая критика и показ её недостатков, во-вторых, он замалчивает и обходит достижения русской науки, выставляя её в заведомо неблагодарном свете» [26. С. 376]. И отсюда вывод: «корень всех злоключений автора состоит в недостаточном усвоении основ марксизма-ленинизма» [26. С. 378]. Заметим, не истории физики, а «основ марксизма-ленинизма».

Журнал «Вопросы философии» всё же являлся специальным журналом, и даже самая резкая рецензия вряд ли дошла бы до так называемой «широкой научной общественности». А идеологическим властям, по-видимому, нужно было именно это. И поэтому в № 6 журнала «Большевик» (а его обязана были читать вся интеллигенция) появилась ещё одна рецензия, на этот раз философа И.В. Кузнецова [27]. Эта статья тоже была согласована с ЦК. В архиве сохранилась вёрстка статьи, посланная на согласование в Отдел пропаганды и агитации ЦК [21], которая подверглась там правке, потому что окончательный вариант статьи в журнале отличается от первоначальной вёрстки.

Статья Кузнецова называлась «Серьёзные ошибки в освещении истории физики». Как и рецензия Кедрова, статья Кузнецова открывалась нравоучительной демагогией относительно марксистской истории естествознания:

«Марксистская история естествознания должна дать сокрушительный отпор всем попыткам буржуазных фальсификаторов протащить и оправдать реакционную идеологию апологетов капитализма, дипломированных лакеев поповщины. Задача советских учёных - создать историю науки именно как науку, - показать материальные источники её возникновения, вскрывая, таким образом, закономерности и движущие силы её развития, показывая борьбу материализма с идеализмом, как отражение классовых битв на арене общественной, политической жизни. Советские учёные призваны восстановить подлинную картину развития науки, показать, что история науки произносит беспощадный приговор идеализму, свидетельствует о правоте и могуществе марксистско-ленинского учения, что возникновение марксистско-ленинской философии было не только революцией в философии, но и началом новой эпохи в развитии естествознания» [27. С. 70].

После такого введения Кузнецов констатирует, что в разработке истории естествознания «есть ещё ряд существенных недостатков». Об этом свидетельствует книга Кудрявцева.

Кузнецов видит недостаток книги в насыщении её историческими примерами, что, по его мнению, «низводит историю физики до чисто вспомогательного предмета в системе образования, отводит ей подчиненно-иллюстративную роль, сужает роль и значение истории физики как науки, забывает о значении её для борьбы с реакционной буржуазной идеологией (разрядка моя.- *А.*С.)». Предмет физики, по Кузнецову, Кудрявцев определяет ненаучно, утверждая, будто история физики ставит задачей изучение развития содержания, методов и теорий физики. Оказывается, это определение объективистское, потому что, согласно определению Кудрявцева, история физики изучает как равноправные идеалистические, антинаучные и материалистические воззрения. «История физики, - поучает Кузнецов, - должна показать развитие научных, материалистических теорий и методов, борьбу с идеалистическими лжеучениями, победу и торжество материалистического направления в развитии науки (разрядка Кузнецова. –А.С.)» [27. С. 71]. По мнению Кузнецова, автор неправильно определил предмет истории физики потому, что «он не увидел главного в развитии физической науки (разрядка Кузнецова. -А. С.) - ожесточённую борьбу материализма с идеализмом, борьбу метафизики и диалектики» [27. С. 71].

Далее Кузнецов не согласен с тем, что материальное производство составляет только фон в развитии науки, а она - наука - развивается в силу своей внутренней логики. Это положение противоречит историческому материализму, в подтверждение чего Кузнецов тут же приводит цитату из «Истории партии».

«Главным источником серьёзных ошибок книги П.С. Кудрявцева является то, что автор не видит коренной противоположности, непримиримости марксистско-ленинского мировоззрения и буржуазной идеологии» - писал Кузнецов и это уже серьёзное идеологическое обвинение, за которым могли последовать очень неприятные оргвыводы. Это следует из того, что, по Кудрявцеву, Галилей, Эйлер, Ньютон в вопросах теории познания занимали материалистическую позицию, приближающуюся к позиции диалектического материализма. А Фарадею Кудрявцев и вовсе приписывает мысль о неисчерпаемости материи, что, по мнению Кузнецова, оспаривает приоритет Ленина в вопросе о неисчерпаемости электрона.

По мнению Кузнецова, в книге многие великие учёные поданы не критично. Так, говоря о Бэконе и Декарте, Кудрявцев подчеркивает их новые теоретические и методологические принципы (индукцию и дедукцию), но не критикует эмпиризм Бэкона (его критиковал Энгельс) и абсолютный дедуктизм Декарта (его

критиковали классики марксизма). Далее, говоря о Лапласе, Кудрявцев обходит молчанием критику его метафизического детерминизма Энгельсом. Превознося Гельмгольца, Кудрявцев ничего не говорит о критике его «теории символов» Лениным.

Таким образом, оказывается, что излагать историю физики, игнорируя классиков марксизма-ленинизма, никак нельзя.

«В своей книге П.С. Кудрявцев не только не даёт полной, развернутой характеристики вклада русских учёных в развитие физики, но даже принижает и обедняет русскую науку» [27. С. 77], - писал далее Кузнецов. В этой части своей статьи Кузнецов перечисляет все обвинения, ранее высказанные Жмудским и Кедровым.

Особое место в статье Кузнецова занимает Ломоносов. В противоположность Кудрявцеву, который называет родоначальником атомно-молекулярного учения Дальтона, Кузнецов приписывает это Ломоносову, хотя никаких научных оснований для этого нет. Кудрявцев пишет, что в вопросах механики Ломоносов следовал за Ньютоном, а Кузнецов считает, что «это принижение взглядов великого русского учёного» [27. С. 78]. По Кузнецову, Ломоносов не был ни ньютонианцем, ни картезианцем, «он стоял в ы ш е тех и других» (разрядка Кузнецова. - *А.С.),* потому что открыл «е д и н ы й, всеобщий закон неразрушимости и несотворимости как материи, так и движения» (разрядка Кузнецова. -АС.) [27. С. 78]. Далее Кудрявцев писал, что Ломоносов занялся электричеством после опытов Франклина. «То же утверждали враги русской науки ещё при жизни М.В. Ломоносова. Их опроверг сам Ломоносов» - парирует Кузнецов.

Особенное возмущение Кузнецова вызвало описание сложных взаимоотношений Ломоносова с немецкими академиками. «Глубокую принципиальную, патриотическую борьбу М.В. Ломоносова против засилья иностранных проходимцев в петербургской академии, стремившихся задушить русскую науку, тов. Кудрявцев изображает в совершенно превратном свете, - пишет Кузнецов. - Он замазывает суть идейной борьбы Ломоносова с Миллером по вопросам происхождения русского народа. Борьба Ломоносова против немецкого проходимца Тауберга, пытавшегося прибрать Академию наук к своим рукам, низведена к "столкновению" из-за помещения» [27. С. 78].

Оценки Менделеева тоже не нравятся Кузнецову. Кудрявцев писал, что Менделеев завершил период развития химии, начатый Дальтоном. По Кузнецову Менделеев завершил период, начатый Ломоносовым, и открыл новую эру в химии.

Кузнецовым отмечено и умаление заслуг Ползунова, Лобачевского, Якоби и Ленца.

Заканчивалась статья Кузнецова весьма определённо: «книга П.С. Кудрявцева "История физики" является объективистской. В вопросе о движущих силах развития естествознания и в своей периодизации истории физики П.С. Кудрявцев отошёл от позиций исторического материализма. Автор не сумел провести большевистский принцип партийности науки. Он нарушил принцип историзма, принизил значение достижений и роль русской науки в истории физики» [27. С. 80].

После такой оценки партийной печати уже всполошились на физическом факультете. 24 июня 1950 г. состоялось заседание Учёного совета факультета с обсуждением рецензии Кузнецова [28].

Заседание открыл декан А.А. Соколов. Он сказал, что факультет уже однажды оценил книгу Кудрявцева положительно. Но в связи с новой критикой «мы решили ещё раз посмотреть эту книгу в свете этой критики» [28. Л. 153].

С докладом выступил приглашённый нейтральный человек, химик и философ доцент Х.М. Фаталиев. Его выступление было очень осторожным. С одной стороны, он поддерживал Кудрявцева, отмечал положительные моменты его книги, но, с другой стороны он не мог проигнорировать критику партийной печати. Вот как он выходил из этого положения.

«Прежде всего, необходимо отметить, - сказал Фаталиев, - что цель появления статьи в партийной печати заключалась в том, чтобы помочь Кудрявцеву устранить те недостатки, ошибки, которые имели место в освещении вопросов истории физики. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что органы печати не ставят вопрос об отмене присуждения Кудрявцеву степени доктора физико-математических наук. Это говорит о том, что работа не забракована. Речь идёт о том, чтобы эту книгу сделать лучше и устранить недостатки. О таком же умозрении свидетельствует то, что переработку этой книги и написание второй книги поручено самому Кудрявцеву. Преследовалась цель помочь Кудрявцеву устранить имеющиеся в книге ошибки» [28. Л. 154].

«Кудрявцев руководствуется правильной мыслью, что история физики преследует цель - изучения движущих сил в истории развития физики, но раскрывает эту идею неправильно. Это обстоятельство даёт основание для нареканий» [28. Л. 153 об].

«Во введении Кудрявцев даёт правильное определение основных этапов развития физики в тесной связи с развитием производства, подчеркивает, что движущей силой в истории развития физики является способ производства. Это правильно, но вместе с тем в том же изложении он делает ряд неточных двусмысленных определений, которые снижают общую цельность правильных мыслей» [28. Л. 153об].

«Кудрявцев уделяет большое внимание изложению взглядов Энгельса, что в основе науки лежит производство, что формулирует

так: "Дальше наука развивается в силу собственной логики развития". Это определение одностороннее. Он не подчеркивает, что собственная логика имеет относительную самостоятельность, не подчеркивает относительный характер развития внутренней логики науки» [28. Л. 154].

«Кудрявцев правильно определяет основные этапы развития науки, но неправильно проводит деление по личностям крупных учёных» [28. Л. 154].

«Кудрявцев показывает связь развития науки с производством, это правильно, но этапы развития в истории физики делит по отдельным крупным личностям - это неправильно» [28. Л. 154].

«Кудрявцев говорит о борьбе материализма с идеализмом, но уделяет этому мало места. Пропорция должна быть такой, чтобы красной нитью проходила мысль о непримиримой борьбе двух основных направлений» [28. Л. 154].

«В целом книга Кудрявцева поднимает приоритет русских учёных, но вместе с тем в трактовке отдельных вопросов он допускает такую формулировку, которая не способствует подчеркиванию роли русских учёных» [28. Л. 154].

«Наряду с правильной критикой в статье Кузнецова есть положения, с которыми нельзя согласиться. Статья преследует, в основном, правильную цель: помочь автору, но тот факт, что в статье имеются ошибки, свидетельствует о том, что вопросы истории физики очень сложны»» [28. Л. 154об].

В то же время выступавшие сотрудники факультета были настроены более решительно. Наиболее резко выступил редактор книги А.К. Тимирязев: «Рецензия Кузнецова содержит совершенно беспримерные в истории советской литературы клеветнические искажения в приведённых цитатах и самые беззастенчивые передёргивания» [28. Л. 154об]. Он привёл восемь, по его мнению, фальсификаций текста Кудрявцева, найденных им в рецензии Кузнецова.

Тимирязева поддержали Фридман и Аркадьев. Последний предложил опубликовать в журнале «Большевик» статью Тимирязева, содержащую ответ на критику Кузнецова.

Тем не менее принятая резолюция была достаточно сбалансированной. В ней говорилось:

1. «Статья, появившаяся в партийной печати, правильно ориентирует научную общественность Советского Союза на необходимость широкого обсуждения и глубокую критику работ по истории физики и на устранение недостатков и ошибок в освещении истории физики.

2. В книге Кудрявцева имеются серьёзные недостатки и отдельные ошибки. В связи с этим поручить П.С. Кудрявцеву переработать книгу "История физики" для второго издания с учётом всех ценных замечаний, которые были сделаны при обсуждении книги и в выступлениях печати. Кафедре истории физики (проф. Тимирязеву) оказать необходимую помощь автору.

3. Совет факультета вместе с тем отмечает, что П.С. Кудрявцев сделал первую серьёзную попытку по написанию учебника по истории физики с марксистских позиций и поэтому появление книги Кудрявцева в целом является положительным фактом по освещению истории физики вообще и в особенности по освещению роли отечественной науки.

На основании вышеизложенного у Учёного совета факультета нет сомнений в правильности решения по присуждению П.С. Кудрявцеву учёной степени доктора физико-математических наук» [28. Л. 158об].

Члены Учёного совета физического факультета МГУ, резко критиковавшие рецензию Кузнецова и защищавшие книгу Кудрявцева, не знали, что ещё 21 июня 1950 г. на свет родилось заключение Отдела пропаганды и агитации ЦК, подписанное сотрудниками отдела В. Кружковым и Ю. Ждановым и направленное Г.М. Маленкову [29]. В этом заключении книга Кудрявцева получила резко отрицательную оценку.

«Рассмотрение книги П.С. Кудрявцева "История физики" т. 1 показывает, что она содержит серьёзные ошибки и не может быть отнесена к числу высокоидейных, патриотических книг по истории науки... Обстоятельный анализ основных ошибок этой книги дан в рецензии т. Кузнецова, опубликованной в журнале "Большевик" (№ 6 за 1950 год). Основной порок книги заключается в её исключительно ярко проявившемся объективизме» [29. Л. 114],

- говорилось в заключении. Далее перечислены все основные недостатки книги, взятые из рецензий, и делается вывод:

«Всё вышеизложенное заставляет придти к выводу, что книга тов. Кудрявцева не является удачной и содержит серьёзные ошибки. Редактор книги профессор МГУ т. Тимирязев А.К. не справился со своей задачей и дезориентировал автора. Товарищи, защищающие книгу от критики, мешают автору понять и исправить недостатки его книги. Обсуждение рецензии т. Кедрова на физическом факультете МГУ было организовано неправильно. Книга т. Кудрявцева незаслуженно восхвалялась как первый марксистский труд по истории физики, а сам автор сравнивался выступавшими с Галилеем, который "тоже пострадал за науку".

Тов. Кудрявцев на беседе в Отделе пропаганды согласился со всеми замечаниями по его книге и признал допущенные им ошибки.

Партийный комитет МГУ, обсудив рецензию т. Кузнецова, опубликованную в журнале "Большевик", признал критику справедливой и рекомендовал деканату и партийному бюро физического факультета обсудить на заседании учёного совета недостатки книги т. Кудрявцева "История физики", чтобы помочь автору переработать книгу. Считаем это решение правильным» [29. Л. 118].

Несмотря на этот окончательный и не подлежащий обсуждению приговор, Кудрявцев нашёл в себе силы продолжать работу.

В 1956 г. уже после смерти Сталина, когда кампания по борьбе с «космополитизмом» практически сошла на нет, он выпустил второе издание первого тома. Подробное сравнение текстов первого и второго изданий показывает, что, несмотря на то, что Кудрявцев вынужден был признать свои «ошибки», он не отказался от своих убеждений - не изменил оценки, сохранил стиль и акценты. В новое издание он внёс немного принципиальных изменений и совсем мало в те места, за которые его обвиняли в «космополитизме».

Наибольшей правки подверглось «Введение». Из него исчезли ссылки на Сталина. Далее, говоря о роли гипотезы в истории физики, Кудрявцев в первом издании приводил в качестве примера гипотезы Ньютона. Во втором издании Ньютон был заменён на Попова. Вместо раздела «Теоретические позиции естествоиспытателей» во втором издании появился раздел «Борьба материализма и идеализма в истории физики», который по содержанию мало отличался от первого текста. В первом издании был подробный раздел «Характеристика основных этапов развития физики». Во втором издании он был заменён на раздел «Периодизация истории физики», в котором остались общие слова о связи физики с философией и производством. Но зато добавлен небольшой раздел «Значение истории физики».

В главе «Античная натурфилософия» вместо раздела «Значение античной натурфилософии» написан раздел «Развитие техники в первобытном и раннем рабовладельческом обществе. Начатки науки». Кроме того, добавлен большой раздел «Наука древнего Востока».

Правка коснулась и последних двух глав. В главе «Физика XVIII в. Ломоносов» добавлены разделы о Рихмане и Эпинусе, о «законе Ломоносова» (по статье Вавилова [30]), о петербургских академиках современниках Ломоносова (Грошеве А.Н., Попове Н.И., Брауне И.А.).

В главу «От Ломоносова до Фарадея» добавлен большой раздел о Ленце, но изъят раздел о Лобачевском.

Остальные главы вошли во второе издание практически без изменений.

В том же 1956 г. вышел и второй том (1870-1900 гг.) «Истории физики». Третий том, посвящённый физике XX века, вышел в 1971 г. В 1965 г. вместе с И.Я. Конфедератовым, Кудрявцев выпустил «Историю физики и техники». В 1974 г. вышел первым изданием «Курс истории физики», переизданный в 1982 г. уже после смерти Кудрявцева.

Рассмотренные нами дела о космополитизме и аполитичности в советской истории физики хорошо показывают атмосферу,

в которой вынуждены были работать наши учёные в конце 40-х - начале 50-х годов ушедшего века. Теперь эта история современному поколению кажется трагикомичной. В здравом уме и твёрдой памяти средства научной информации распространяли мифы о том, что все важнейшие открытия сделали русские учёные, а иностранцы их у нас утащили.

Конечно, никто не будет спорить с тем, что на Западе существует недооценка русской науки. Это связано, во-первых, с тем, что Россия всегда была для Запада далёкой и непонятной страной, не участвующей в общеевропейской культуре, и поэтому ей не интересной. Во-вторых, - языковый барьер, когда даже выдающиеся работы наших учёных печатались в основном в российских журналах на русском языке. Ну, а в-третьих, тот очевидный факт, что не Россия была в XVIII-XIX вв. лидером естествознания.

Однако кампания, о которой мы говорили выше, не имела свой целью познакомить западную науку с достижениями русской науки и, в частности, физики. Цели были совсем другие - идеологические и пропагандистские, о чём мы говорили подробно выше.

Благодарю С.П. Кудрявцева за копию письма Кожевникова.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (грант 02-03-18081 а).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сталин И.В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии и работе ЦК ВКП(б) // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат. 1939.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Госполитиздат. 1948.
3. Об опере «Великая дружба» В. Мурадели. Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. // Большевик. 1948. № 3. С. 10-14.
4. Значение идеологической работы в современных условиях // Большевик. 1946. №9. С. 5-11.
5. *Зворыкин А.* О советском патриотизме в науке // Большевик. 1948. № 2. С. 23-42.
6. *Цейтлин З.А.* Наука и гипотеза. М.: Госиздат. 1926.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 543. Л. 162-167.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 543. Л. 161.
9. *Сонин А.С.* Физический идеализм: История одной идеологической кампании. М.: Физматлит. 1994.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 543. Л. 170-173.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 543. Л. 175.

12. Архив МГУ. Ф.3. Оп. 2. Ед. хр. 58. Л. 109-190.
13. *Кононков А.Ф.* Обсуждение рукописи книги «Очерки по истории физики в России». Вестник Московского университета. 1949. № 5. С. 113-118.
14. Архив РАН. Ф. 596. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 1-4.
15. Очерки по истории физики в России. М.: Учпедгиз, 1949.
16. *Кудрявцев П.С.* История физики. М.: Учпедгиз, 1948. Т. 1.
17. *Кудрявцев С.П.* Павел Степанович Кудрявцев (к 100-летию со дня рождения) // IV Международная конференция «Проблемы истории физико-математических наук», посвященная 100-летию со дня рождения доктора физико-математических наук, профессора Павла Степановича Кудрявцева. Материалы конференции. Тамбов, 2004. С. 9-23.
18. *Жмудский А.З.* П.С. Кудрявцев. История физики. Том. I // М.: Советская книга. 1949. № 12. С. 51-55.
19. *Кожевников Г.А.* Письмо в редакцию газеты «Правда» // Личный архив П.С. Кудрявцева.
20. *Кедров ЕМ.* Объективистская книга по истории физики //Культура и жизнь. 1950. 21 февраля.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 354. Л. 75-76.
22. Архив МГУ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 23-74.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 354. Л. 103.
24. *Кудрявцев П.С.* Історія фізики. Том 1. Киів: Родяньска школа. 1951.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 354. Л. 1-61.
26. *Кедров Б.М.* Неудачная книга по истории физики //Вопросы философии. 1950. № 1. С. 365-378.
27. *Кузнецов И.В.* Серьезные ошибки в освещении истории физики // Большевик. 1950. № 6. С. 70-80.
28. Архив МГУ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 153-159.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 354. Л. 114-119.
30. *Вавилов С.И.* Закон Ломоносова // Правда. 1949. 5 января.